

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

Л. А. Козлова¹

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

РЕЦЕНЗИЯ

НА МОНОГРАФИЮ Л. И. ГРИШАЕВОЙ «ДИАЛОГИ О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ». – ВОРОНЕЖ: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – 677 с.

Теория межкультурной коммуникации – достаточно молодая отрасль гуманитарной науки, которая стала активно развиваться на рубеже веков, и стремительное развитие которой было обусловлено множеством факторов, среди которых ведущую роль играл геополитический. Именно этот фактор обусловил тенденцию к глобализации, к построению единой глобальной деревни, в которой все люди жили бы мирно и счастливо, говорили бы практически на одном языке – английском и разделяли бы единые культурные ценности. Во второй половине XX в. канадский философ и культуролог М. Маклюэн впервые использовал термин «глобальная деревня» и предсказал, что стремительное развитие средств массовой информации и технологий, позволяющих передавать информацию во все точки земного шара за минимальную единицу времени, а также необходимость объединения усилий разных стран для решения глобальных экономических, социальных и экологических проблем сделают процесс глобализации неизбежным. Он утверждал, что естественным следствием такой глобализации будет культурная интеграция, которая в конечном счете приведет к стиранию границ между разными культурами [McLuhan, 2003].

А. В. Павловская пишет: «Казалось бы, глобальная деревня стала реальностью нашей жизни, культурное единообразие мира почти достигнуто, осталось только договориться о едином языке, и все мы заживем единой глобальной семьей, по крайней мере, в вопросах быта и культурных ценностей» [Павловская, 2020, с. 11]. Однако, как это бывает со всеми утопиями, этого не произошло. Можно назвать несколько факторов, препятствующих тотальной глобализации. Прежде всего, это изменение геополитической обстановки в мире. Выход на мировую арену новых игроков, в числе которых находятся Китай, Россия и другие страны, приводит к тому, что мир становится многополярным, и это не может не оказывать влияния на все сферы межкультурного взаимодействия. Принцип универсализма, лежащий в основе «глобальной деревни», тотальное влияние американской массовой культуры, которое превратило процесс глобализации в американизацию, сегодня теряют свою привлекательность, и все бо-

¹ Любовь Александровна Козлова – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

лее заметным становится стремление народов к сохранению своей культуры, традиций, особенностей быта, в целом – своей национальной идентичности.

Сегодня на смену принципу этноцентризма приходит принцип этнорелятивизма, в основе которого лежит признание не только общности, но и разнообразия культур, стилей мышления, стилей коммуникации и учет этого разнообразия в совместной работе [Ting-Toomey, 2018]. Так, А. Вежицкая считает этноцентрическим заблуждением широко распространенное мнение о том, что особенности коммуникативного поведения белых американцев носят универсальный характер и должны превалировать в любом другом лингвокультурном сообществе [Вежицкая, 2003, с. 136].

Несмотря на геополитические конфликты, продолжает развиваться международное сотрудничество: реализуются совместные деловые и научные проекты, проводятся международные конкурсы в различных сферах искусства, осуществляется академический обмен. Специалисты, принимающие участие в таких проектах, отмечают, что, даже работая в таких областях, как математика или ядерная физика, необходимо знать и учитывать особенности национального стиля мышления в той или иной науке.

Всё сказанное означает, что проблема взаимодействия «поверх границ культур» не утратила своей актуальности, напротив, она приобретает еще большую значимость в новых геополитических условиях, о чем свидетельствует большое количество работ, посвященных различным аспектам этой сложной и многогранной проблемы.

Монография Л. И. Гришаевой, известного отечественного лингвиста, автора многочисленных работ по германистике, лингвистике текста и дискурсу, специалиста по межкультурной коммуникации, ставит своей задачей рассмотрение феномена межкультурного взаимодействия во всем комплексе пересекающихся в нем аспектов: когнитивного, семиотического, культурологического, психологического, этнографического, лингвистического. Такой интегративный подход наиболее точно соответствует объекту исследования, так как овладение навыками межкультурной коммуникации требует от ее участников определенных знаний из всех перечисленных областей науки.

Монография Л. И. Гришаевой носит название «Диалоги о межкультурной коммуникации», и именно принцип диалогизма лежит в основе организации обширного материала монографии, на страницах которой автор ведет диалог, прежде всего, со студентами, изучающими этот курс, с авторами работ по данной проблеме, а также с читателями, что убедительно подтверждает тезис М. М. Бахтина о принципе диалогизма как основе гуманитарного мышления. По мысли М.М. Бахтина, «понимание диалогично в самой своей основе, ибо оно рождается только в живом диалоге с другим или самим собой» [Бахтин, 1979, с. 350].

Цель монографии – показать органическую взаимосвязь языка, культуры и коммуникации и необходимость обучения иностранному языку с учетом этой

взаимосвязи, что создает основу для успешного осуществления межкультурной коммуникации. Монография состоит из трех частей. В краткой вводной части (с. 3–12) излагаются мотивы, побудившие автора к написанию книги, сообщается структура работы, представляется концепция, лежащая в основе осмысления феномена «межкультурная коммуникация». Эта концепция, как пишет автор, окончательно сформировалась в результате рассмотрения теоретических вопросов, связанных с культурно-специфическими механизмами вербализации знаний о мире и их манифестации в различных типах текста и дискурса, многолетнего опыта преподавания теории и практики немецкого языка, послужившего хорошей основой для разработки авторской программы курса по теории межкультурной коммуникации. Глубокая лингвистическая составляющая концепции, развиваемой в монографии, получает свою реализацию на протяжении всей книги и отличает эту работу от многочисленных и часто очень хороших учебных пособий по теории межкультурной коммуникации.

Основную часть книги (с. 13–619), носящую название «Предметный разговор» и включающую 17 глав, составляет заинтересованный и зачастую полемичный диалог автора о таких базовых вопросах, как сущность межкультурной коммуникации, стереотипы сознания и их роль в восприятии и оценке событий и людей, картина мира как ментальная репрезентация культуры, сущность культуры и типология культур; проблема культурной идентичности и маркеры идентичности, язык как культурный код, языковая личность как субъект межкультурной коммуникации, условия успешности и факторы риска в межкультурной коммуникации.

При рассмотрении сущности межкультурной коммуникации автор особо подчеркивает ее парадоксальный характер, обусловленный прежде всего специфичностью организации структур знания, значимых для участников коммуникации (с. 50). В главе, посвященной определению сущности культуры, автор анализирует многочисленные определения культуры, последовательно рассматривая ее как совокупность традиционно выделяемых материальной и духовной составляющих, и дополняет эту классификацию еще одной, т.н. интеракционной составляющей, которая определяется автором как «совокупность сведений о том, «что, как, когда, кому и для чего делать» (с. 55), таким образом, представляя культуру как совокупность трех составляющих: материальной, духовной и интеракционной (с. 55–56). Данное широкое определение культуры, включающее как материальные и духовные продукты деятельности человека, существующие в реальном мире, так и совокупность знаний и основанных на них стратегий и тактик поведения (ментальных сущностей), перекликается с определением культуры Э. Сепира, который понимал культуру как «всё то, что данное общество делает и думает» [Сепир, 1993, с. 193]. С учетом диалогического характера монографии хотела бы отметить, что при таком широком понимании культуры необходимо акцентировать существенное различие между первыми двумя и третьей составляющей: первые две – это **продукты** деятельности человека, они существуют в реальном мире, а третья составляющая – это **ментальная сущ-**

ность, совокупность знаний о своей культуре, обеспечивающих возможность успешной коммуникации в своей стране, и о другой культуре, знаний, необходимых для бесконфликтной коммуникации с представителями этой культуры.

Анализ различных точек зрения на сущность культуры в ее широком понимании позволяет автору представить основные свойства культуры, к числу важнейших из которых относятся динамичность, способность к саморазвитию, способность служить средством самоидентификации и идентификации общества в целом и отдельных индивидов (с. 79), а также ее функции: социализирующую, ориентационную, коммуникативную, когнитивную, эстетическую, людическую, кумулятивную и манипулятивную (с. 83). Рассматривая средства репрезентации культуры, автор особо подчеркивает роль языка как универсального кода, способного передать смысл других культурных кодов, отмечая при этом тот факт, что разные языки могут использовать при этом разные средства вербализации этого смысла (с. 89–91).

При описании картины мира автор рассматривает такие важные аспекты, как онтологические свойства, функциональный потенциал, средства ее объективации, ее роль в культурной идентичности, определяя картину мира как «ментальный аналог культуры, совокупность гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных знаний о мире» (с. 99–145). Рассматривая роль языка как культурного кода и средства репрезентации картины мира, автор обращается к семиотическому аспекту рассматриваемой проблемы, к типологии языковых знаков, соотношению вербальных и невербальных средств коммуникации, убедительно показывая, что каждая языковая культура располагает специфическими способами и средствами решения когнитивных и коммуникативных задач, что следует учитывать в межкультурной коммуникации (с. 416–448).

Авторская концепция, представленная во введении, последовательно развивается в главе «Когнитивно-дискурсивный инвариант языковая личность», посвященной модели языковой личности, номинативным и дискурсивным стратегиям и языковым средствам их реализации, факторам, обуславливающим выбор тех или иных стратегий (с. 449–502).

При рассмотрении перечисленных и других вопросов, представленных в этой части работы, автор использует богатый иллюстративный материал, а также схемы и таблицы, что, несомненно, способствует лучшему восприятию текста и убедительности авторской точки зрения на рассматриваемую проблему. Не меньший интерес вызывает у читателя привлечение автором собственного опыта взаимодействия в межкультурном пространстве, который может быть использован другими специалистами в области межкультурной коммуникации.

Для преподавателей, ведущих данный курс, большой интерес представляет и третья часть монографии «От теории к практике» (с. 620–645), в которой автор делится с читателями многолетним опытом преподавания данного курса и предлагает различные виды работы, направленной на формирование навыков общения «поверх границ культур».

Как было отмечено в начале рецензии, теория межкультурной коммуникации представляет собой обширную область исследований, которая развивается на основе интеграции знаний из целого комплекса таких наук, как лингвистика, культурология, история, семиотика, прагматика, этнография. В полном соответствии со спецификой данной области исследований именно такой интегративный подход последовательно развивается в монографии Л. И. Гришаевой, что позволяет выразить уверенность в том, что она вызовет интерес специалистов, занимающихся исследованиями в перечисленных областях наук, а также многих других специалистов, работающих в различных сферах и испытывающих потребность в расширении фонда знаний о других культурах и формировании на этой основе навыков межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.

Вежбицкая, А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs «непрямота» / А. Вежбицкая // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 2003. – С. 136–159.

Гришаева, Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – 677 с.

Павловская, А. В. Глобальное VS региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире. / А. В. Павловская // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1. – С. 9–21.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии; Пер. с англ. / Э. Сепир. – Москва: Прогресс–Универс, 1993. – 656 с.

McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. New York: Gingko Press, 2003. – 616 p.

Ting-Toomey, S. Communicating across Cultures. Second Edition / S. Ting-Toomey, T. Dorjee. New York, London: The Guilford Press, 2018. – 464 p.

REFERENCES

Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. – Moskva: Iskusstvo, 1979. – 424 s.

Grishayeva, L. I. Dialogi o mezhkul'turnoy kommunikatsii / L. I. Grishayeva. – Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2022. – 677 s.

Pavlovskaya, A. V. Global'noye VS regional'noye: k voprosu o problemakh mezhkul'turnoy kommunikatsii v global'nom mire. / A. V. Pavlovskaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2020. – № 1. – S. 9–21.

Sepir, E. Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii; Per. s angl. / E. Sepir. – Moskva: Progress–Univers, 1993. – 656 s.

Vezhbitskaya, A. Kul'turnaya obuslovlennost' kategoriy «pryamota» vs «nepryamota» / A. Vezhbitskaya // Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya : sb.nauch. statey. – Saratov: Izd-vo Gos UNTS «KолledZH», 2003. – S. 136–159.

McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. – New York: Gingko Press, 2003. – 616 p.

Ting-Toomey, S. Communicating across Cultures. Second Edition / S. Ting-Toomey, T. Dorjee. – New York, London: The Guilford Press, 2018. – 464 p.